

Бай Инь, казалось, был очень зол и холодно произнёс:

— Если не понимаешь — заткнись.

Линь Юньшэнь замер. Он и рассердился, и ему стало неловко.

— Кто сказал, что я не понимаю? «Малый отшельник скрывается в пустыни, средний — в толпе, великий — при дворе». Это надежда дяди Бай на тебя.

Бай Инь ничего не ответил. Через некоторое время Линь Юньшэнь, подложив руку под голову и свесив ноги с окна, сказал:

— Скажи, чего ожидали от меня мои родители, давая мне имя Юньшэнь?

Сказав это, он повернулся к Бай Иню и повелительным тоном добавил:

— Ты учёный, объясни мне.

Бай Инь ответил:

— «В глубине белых облаков живут люди»? Или может «Только в этой горе, в глубине облаков, не знаешь где»? Твой отец дал тебе это имя, желая, чтобы ты стал беспечным учеником Сюаньмэня и прожил жизнь свободно.

Линь Юньшэнь опешил, и в сердце вдруг ни с того ни с сего защемило, странный порыв увлажнил глаза.

Его родители всё ещё любили его и надеялись, что он проживёт жизнь без забот и радостно.

Он улыбнулся сквозь слёзы. Возможно, эти слёзы пришли внезапно и даже не пролились, но он, будучи обычно хулиганистым и строптивым, не был человеком с мягким сердцем, поэтому Бай Инь, увидев это, почувствовал удивление. Бай Инь с изумлением смотрел на него, и Линь Юньшэню вдруг стало неловко, но он не мог ничего сказать, чувствуя лишь кислоту в сердце, и отвернулся к окну.

Бай Инь долго молчал, затем произнёс:

— Я знаю, что ты вытерпел много страданий.

За окном цветы на яблоне уже отцвели, белые цветы были подобны сияющему бархату и гроздьям, но аромата не слышалось. Линь Юньшэнь не оборачивался, лишь хихикал, оставляя Бай Иню видеть свою спину. Бай Инь слышал его смех, но не видел лица.

Семья Бай была большой и богатой, правил было много, но будучи самой богаче в округе, хотя и не имея чинов и титулов, они вызывали уважение у всех. Это была буквально жизнь небожителей, о которой мечтал Линь Юньшэнь. По совести, Бай Инь относился к нему хорошо, и он знал, что Бай Инь — человек прямого порядка, и хотя иногда говорил грубые слова, это было результатом его собственного подстрекательства. В этом мире мало кто относился к нему хорошо, а Бай Инь, будучи ему не роднёй, всё так же относился к нему хорошо, и он в сердце был действительно благодарен. Но перед Бай Инем он, казалось, действительно был немного распушен и любил дразнить его... словно был более распушенным перед ним, чем перед кем-либо ещё. Бай Инь был молод, но стар душой, слишком благороден и серьёзен, но в глубине души всё же был юношеский пыл, и он не мог удержаться, чтобы не подразнить его и не

заставить злиться, поэтому был ещё более свободен в манерах.

На второй год жизни в Ляньпу он устал от ив у озера и заинтересовался огромным до невероятности озером семьи Бай. На озере были белые лотосы с лёгким румянцем, но их было немного, они были разбросаны редко, что придавало ещё больше очарования. По берегам ивы раскачивались, прохлада была повсюду, в центре озера было ещё несколько древних деревьев, ветви и листья были пышными, казалось, им было тысячу лет, и клан Бай почитал их как священные деревья, и немногие спускались на озеро. В то время он лежал в челноке, спасаясь от жары, лодка медленно дрейфовала по воде, он полежал в лодке и заснул, а когда проснулся, лодка уже проплыла под древним деревом. Его рука уже свисала в воду, и половина рукава была мокрой.

Затем он увидел, что Бай Инь в какой-то момент уже подошёл к нему и устался на какую-то точку, казалось, довольно потрясённо. Линь Юньшэнь следуя его взгляду посмотрел и обнаружил, что его одежда расстегнута, и большая часть груди обнажена, соски на груди были нежно-розовыми, возможно из-за прохлады под деревом, даже выпирали, на фоне белой кожи и зелёной одежды это выглядело ещё более заметным.

Он поспешно поправил одежду, уже собираясь поднять голову и подсмеяться над Бай Инем, но Бай Инь уже снова был холоден и с пренебрежением сказал:

— Одежда неряшлива, неприлично, в будущем одевайся хорошо, не позорь наш клан Бай.

Сказав это, он не стал ждать его возражений и развернулся, чтобы уйти. Линь Юньшэнь кубарем вскочил, в гневе крикнул «Серебро», но увидел лишь, как Бай Инь исчез за листьями ивы, его спина была всё такой же высокой и чистой, как у небожителя.

Линь Юньшэнь подумал, что он ещё не успел посмеяться над Бай Инем за то, что тот, глядя на сосок мужчины, потерял концентрацию, а его уже отчитали за нарушение приличий, и он действительно немного разозлился. С тех пор он стал вести себя ещё хуже, явно застёгнутую одежду он, видя Бай Иня, расстёгивал немного, иногда намеренно жеманился, принимая вид женщины, чтобы вызвать у него отвращение:

— Братец Бай, как тебе такой наряд?

Бай Инь не обращал на него внимания, но тренировался с мечом ещё усерднее, фигура выглядела намного крепче, чем в прошлом году. Линь Юньшэнь сказал «цц» и произнёс:

— Как, тот, кто несколько дней назад смотрел на мою грудь, уставившись, был кто?

Бай Инь наконец опустил меч в руках, весь в поту, поучающе и серьёзно сказал ему:

— Твоя внешность и так чиста и привлекательна, фигура стройная, а ты ещё обязательно носишь такую рыхлую одежду, с распущенными волосами, ни мужчина ни женщина.

Это казалось простым воспитанием и критикой, но также казалось ответом на вопрос, почему он смотрел на его грудь. Если первое, то это был обычный стиль наставлений Бай Иня, ничего необычного, но если второе, то подтекст слов Бай Иня был словно таким:

— Ты одеваешься ни мужчина ни женщина, вот я и породила мысли и поступки, которые к женщине должны быть.

Линь Юньшэнь даже немного застеснялся, опустил голову и долго молчал, словно его задели

за живое, задев самоуважение. Бай Инь, видя его таким, сказал:

— Я просто говорю, подожди ещё год, твои три года траура закончатся, и тебе нужно будет жениться, нельзя вечно вести себя несерьёзно. В будущем пойдёшь по пути Сюаньмэня или пойдёшь на службу, тоже нужно рано готовиться.

Сказав это, Бай Инь бросил его одного и пошёл купаться в пруд во внутреннем дворе. Линь Юньшэнь один сидел под деревом яблони немного, через некоторое время на теле уже лежал слой лепестков, когда сознание вернулось, он вдруг снова разозлился, что только что снова был отчитан Бай Инем.

Бай Инь вечно его учил, в последнее время особенно любил учить, даже манеру есть иногда критиковал, буквально всё в нём отвергал. Линь Юньшэнь немного разозлился, нагнулся, поднял несколько камешков и подошёл к пруду сзади, протянул руку и швырнул в пруд брызги воды.

Бай Инь купался, отвернувшись от него, услышав звук, обернулся.

Линь Юньшэнь смотрел на мокрого Бай Иня, на время не мог сказать ни слова. Его тело уже приняло облик взрослого мужчины, на груди были тонкие и ровные мышцы, талия длинная и сильная, в воде было лишь пятно тени, неясное, только волны воды колебались, рябя в глазах.

Бай Инь сказал:

— Я же говорил, когда я купаюсь, тебе не нужно приходить. Хотя оба мужчины, но уже взрослые, нужно ещё быть обнажёнными друг напротив друга? Между братьями в словах и поступках тоже должна быть мера, ты всегда говоришь шутки без меры, делаешь сбивающие с толку безумные вещи.

Но Линь Юньшэнь не слушал такие слова, в груди вдруг возник порыв, он смотрел на Бай Иня, рот приоткрыл, вдруг сказал:

— Бай Инь, я люблю тебя.

Бай Инь опешил, увидев застывшее лицо Линь Юньшэня.

— Что ты сказал?

Бай Инь нахмурил брови, посмотрел на него, тон был довольно строгим:

— Повтори ещё раз.

Линь Юньшэнь подумал, Бай Инь точно почувствовал огромное оскорбление. Он хихикнул два раза, тоже не знал, намеренно ли не объяснил, бросил оставшиеся камешки в воду, переваливаясь ушёл далеко, талия была ещё мягче, чем у девушки. Бай Иню прямо хотелось пнуть эту ягодицу ногой, только тогда можно было выдохнуть.

— Старший не уважает младшего, дразнит брата, очень весело?

Бай Инь сказал.

Линь Юньшэнь смутно услышал, лицо мгновенно стало красным, сам чувствовал себя бесстыдным, что это за чушь он говорил.

С тех пор Бай Инь, казалось, начал его ненавидеть, или точнее, ненавидеть ещё больше. Линь Юньшэнь в сердце жалел очень, не должен был говорить эту чушь, разозлив старшего сына семьи Бай.

Дело уже сделано, мог только больше шутить, обмануть, чтобы пройти, велеть ему не принимать всерьёз.

— Братец Бай, ты любишь меня или нет?

— Ой, братец Бай, ты всё ещё сердишься на меня?

— Люди любят тебя, ты смущаешься и смущаешься, ещё и людей игнорируешь. В будущем возьмёшь жену, ты и немного женских радостей не будешь понимать?

Лицо Бай Иня было мрачным, даже головы не повернул, и ушёл.

Линь Юньшэнь вздохнул, сказал рядом стоящему Бай Хэ:

— Смотри, твой брат, спесь становится всё больше.

Ухудшение его отношений с Бай Инем в конце концов заметила и Хуэйдуань. Хуэйдуань сказала:

— Это ты его спровоцировал. Жаль, что ты старше его на несколько лет, но ещё не так разумен, как он.

<http://bllate.org/book/16677/1530350>